

Говард Филлипс Лавкрафт

В склепе

(In the Vault)

Посвящается Ч. У. Смиту, подсказавшему идею этого рассказа

Нет ничего более нелепого, нежели то весьма распространенное и, к сожалению, слишком глубоко укоренившееся в сознании большинства представление, согласно которому в нашей обыденной жизни нет места вещам таинственным и зловещим. Стоит только упомянуть о патриархальном новоанглийском местечке, о неуклюжем и невежественном сельском гробовщике и о каком-то происшествии в могильном склепе — и нормальный читатель уже заранее настроен на очередной безобидный фарс, пусть даже и с некоторой долей гротеска. Но, видит Бог, эта правдивая от начала и до конца история, которую мне довелось услышать от ныне покойного Джорджа Берча, доставит мало приятных минут любителям легких комедий и мелодрам.

Берч сменил род занятий еще в 1881 году, однако предпочитал не рассказывать о том, что с ним произошло, и под любым предлогом уклонялся от разговоров на эту тему. Хранил молчание и его старый лечащий врач, доктор Дэвис, скончавшийся несколько лет тому назад. Всем было известно, что причиной случившегося с Берчем несчастья явилась простая неловкость, в результате которой он сам запер себя на девять часов в склепе кладбища Долины Пек, откуда ему удалось выбраться, лишь прибегнув к самым грубым и разрушительным действиям. Нет никаких сомнений, что так оно и было на самом деле, однако этому инциденту сопутствовали и кое-какие более зловещие обстоятельства, о которых сам пострадавший неоднократно рассказывал мне в пьяном бреду незадолго до кончины. Скорее всего, он доверял мне потому, что я был его лечащим врачом — вероятно, он испытывал потребность довериться кому-нибудь после того, как умер доктор Дэвис. Жил он в одиночестве, не имея никого из родни.

До 1881 года Берч служил сельским гробовщиком Долины Пек, своей редкостной душевной примитивностью выделяясь даже среди представителей сего не слишком благородного ремесла. Кое-что из того, что приписывала ему молва, современному городскому жителю могло бы показаться неправдоподобным, и даже обитателям Долины Пек, пожалуй, стало бы не по себе, узнай они, сколь незатейлив был моральный кодекс их похоронных дел мастера в вопросах такого рода, как, например, право собственности на ценные предметы погребального убранства, незаметные под крышкой гроба, или соблюдение общепринятых норм при таких операциях, как размещение бессловесных клиентов в гробах, размеры которых далеко не всегда были рассчитаны на них с предельной точностью. Одним словом, Берч был человеком душевно черствым и абсолютно беспринципным, хотя вряд ли можно было бы назвать его злым или жестоким. Это был типичный лодырь и выпивоха, лишенный даже той малой толики воображения, что от природы дана любому нормальному человеку.

С чего начать историю Берча, я не знаю, потому как рассказчик из меня никудышный. Начну, пожалуй, с декабря 1880 года, который выдался на редкость холодным; земля

промерзла на большую глубину, и кладбищенские землекопы, посоветовавшись, пришли к выводу, что с рытьем могил лучше обождать до весны. По счастью, селение было небольшим, умирали там нечасто, и всем покойникам нашлось место во временном пристанище, в качестве которого послужил единственный кладбищенский склеп. С приходом суровой зимы Берч погрузился в совершенную апатию. Никогда прежде он не сколачивал столь неуклюжих и несоразмерных гробов, а о том, что ржавый замок в двери склепа хотя бы время от времени требует смазки, Берч, похоже, и вовсе запомнил.

Наконец настала весенняя оттепель, и работа по подготовке могильных ям пошла живее. Берча всегда раздражали хлопоты, связанные с перевозкой и погребением тел, но уклоняться от исполнения своих обязанностей он не стал и в одно хмурое апрельское утро взялся за дело. Однако незадолго до полудня хлынул сильный ливень, и Берч был вынужден отложить свое занятие на неопределенный срок, препроводив к месту вечного отдохновения всего лишь одно из девяти тел. Удача эта выпала на долю девяностолетнего Дариуса Пека, могила которого находилась неподалеку от склепа. Берч думал возобновить работу на следующий день и начать со старика Феннера, могила которого тоже была рядом. Однако на деле получилось так, что он приступил к работе только через три дня, в Страстную пятницу, пятнадцатого числа. Не будучи суеверным, Берч нимало не смутился такой датой, но с тех пор и до конца дней своих он категорически отказывался браться за какое-либо важное дело в этот праздничный день, ставший для него роковым.

Итак, в пятницу днем Берч запряг лошадь в телегу и отбыл в направлении склепа, намереваясь перевезти из него тело Мэтью Феннера. Он, как всегда, был нетрезв, что и сам впоследствии признавал, хотя в то время он еще не успел пристраститься к потреблению алкоголя в таких дозах, какие в дальнейшем нередко помогали ему забыться. Просто он испытывал легкое головокружение и слишком часто и не к месту дергал за поводья, что действовало на нервы его чересчур чувствительной кобыле, которая после того, как он слишком резко осадил ее перед входом в склеп, начала ржать, бить копытом и вскидывать голову — почти как в прошлый раз, когда ее, по всей видимости, вывел из себя проливной дождь. В тот день погода выдалась ясная, но ветреная, и, когда Берч отворил железную дверь и вступил в склеп, расположенный на склоне холма, он был искренне рад тому, что наконец оказался в укрытии. Вряд ли кому другому на его месте пришлось бы по душе сырое и затхлое помещение с восемью гробами, расставленными как попало, но Берч в ту пору не обращал внимания на такие мелочи, заботясь лишь о том, чтобы опустить нужный гроб в нужную могилу. Он еще не забыл бурное негодование многочисленных родственников Ханны Биксби, когда они, переезжая в другой город, хотели забрать с собой ее тело, но обнаружили под надгробием Ханны гроб судьи Кэпуэлла.

Внутри склепа царил полумрак, но гробовщик имел прекрасное зрение и не взял по ошибке гроб с телом Азефа Соьера, хотя тот был очень похож на гроб Феннера. Собственно говоря, он и был в свое время сколочен для Мэтью Феннера, но потом Берч забраковал его, посчитав слишком некрасивым и непрочным; причиной такой щепетильности со стороны столь несентиментального человека, как Берч, послужили, вероятно, воспоминания о том, с какими участием и великодушием отнесся к нему этот низенький старичок пять лет тому назад, когда Берч оказался на грани разорения. В

новый гроб для старого Мэтью он вложил все свое мастерство, но при этом оказался настолько корыстным, что сохранил и отвергнутое изделие, которое спустя некоторое время использовал под тело Азефа Сойера, скончавшегося от злокачественной лихорадки. Сойер был не из тех людей, которые пользуются особенной любовью ближних; ходило немало слухов о его почти нечеловеческой мстительности и злопамятности, проявлявшейся иногда по самым пустяковым поводам. Посему Берч без малейших угрызений совести определил для него небрежно сколоченный гроб, который он теперь и отпихнул в сторону, разыскивая гроб Феннера.

Дверь захлопнуло ветром как раз в тот момент, когда Берч добрался до старины Мэта. Все вокруг погрузилось во тьму. Узкая фрамуга почти не пропускала света, а вентиляционное отверстие наверху и подавно, поэтому обратный путь к двери по бестолково заставленному помещению даже у такого знатока местного рельефа, как Берч, занял немало времени. Достигнув наконец своей цели, он долго гремел разболтанными дверными ручками, толкал металлические створки и не переставал удивляться тому, что массивная парадная дверь вдруг стала такой неподатливой. Постепенно он начал сознавать, что произошло, а осознав, принялся громко вопить, как будто привязанная снаружи лошадь могла сделать для него нечто большее, нежели ответить ржанием, в котором не сквозило ни нотки сочувствия. Случилось так, что замок, за которым давно никто не следил, просто-напросто сломался, и беспечный гробовщик оказался в ловушке, став жертвой собственного недосмотра.

Несчастье произошло, по-видимому, где-то в половине четвертого пополудни. Флегматик по темпераменту и прагматик по складу характера, Берч вопил недолго; замолчав, он принялся искать рабочие инструменты, которые, как он помнил, валялись где-то в углу. Сомнительно, чтобы на него хоть сколько-нибудь подействовали весь ужас и абсурдность его положения; разве что сам факт заточения вдали от тех мест, где обычно бывают люди, мог вывести его из равновесия. Рабочий день бедолаги был досадным образом прерван; на появление в этих краях случайного прохожего не стоило и надеяться, так что сидеть ему там было суждено в лучшем случае до следующего утра. Отыскав в дальнем углу груды инструментов, Берч выбрал молоток и стамеску и вернулся, переступая через гробы, к двери. Воздух в склепе становился все более тяжелым и удушливым, что, впрочем, мало беспокоило Берча, сосредоточенно работавшего над ржавым неподатливым замком. Он много бы сейчас дал за фонарь или огарок свечи, но ввиду их отсутствия вынужден был ковыряться вслепую. Убедившись, что справиться с замком при помощи таких неподходящих орудий и при таком освещении ему все равно не удастся, гробовщик стал озираться по сторонам в поисках иных возможностей для избавления. Склеп был вырыт в склоне холма, и узкий вентиляционный ход тянулся сквозь толщу земли на расстоянии в несколько футов, так что не стоило даже думать о том, чтобы им воспользоваться. Гораздо дольше взгляд его задержался на щелеобразной фрамуге в кирпичной кладке высоко над дверью — если бы он взялся за дело как следует, то вполне смог бы расширить это отверстие; оставалось лишь сообразить, как до него добраться. В склепе не было ничего похожего на лестницу, а ниши для гробов, которыми Берч почти никогда не пользовался, располагались в задней и боковых стенах, и от них в данной ситуации не было никакого проку. Сообразив, что в качестве ступеней здесь могут послужить лишь сами гробы, Берч принялся размышлять над тем, как бы их лучше разместить. Чтобы дотянуться до фрамуги, достаточно будет высоты трех

гробов, рассудил он; еще лучше, если их будет четыре. Поскольку верхние и нижние поверхности ящиков были относительно ровными, их вполне можно было взгромоздить один на другой наподобие строительных блоков. Оставалось прикинуть, как из восьми имевшихся гробов соорудить нечто устойчивое и удобное для восхождения. Продумывая возможные варианты, он невольно посетовал на то, что составные элементы будущей конструкции были столь ненадежно сколочены. В конце концов Берч решил положить внизу три гроба параллельно стене, установить на них два ряда по два гроба в каждом, а сверху водрузить еще один гроб, который и будет служить ему платформой для ног. Это позволило бы подняться на нужную высоту с минимумом неудобств. А еще лучше, рассудил гробовщик, использовать в качестве основания только два гроба; таким образом, один гроб останется в запасе, и его можно будет поставить на самый верх, если вдруг для того, чтобы выбраться наружу, потребуется еще большая высота. В зловещих сумерках неутомимый узник перетаскивал и устанавливал друг на друга ящики с бранными останками своих ближних, и его миниатюрная Вавилонская башня поднималась все выше и выше. Время от времени ветхие гробы опасно трещали, и Берч решил приберечь прочно сколоченный гроб Мэтью Феннера для самого верха, с тем чтобы ступни его имели как можно более надежную опору. В темноте он мог найти этот гроб лишь на ощупь и в самом деле наткнулся на него по чистой случайности — тот сам свалился ему прямо в руки после того, как Берч нечаянно поставил его рядом с другим гробом в третий ряд.

Завершив работу и немного отдохнув на нижней ступени своего сооружения, Берч взял инструменты и осторожно взобрался наверх, оказавшись как раз на одном уровне с узкой фрамугой. Ее окружала простая кирпичная кладка, и Берч не испытывал ни малейшего сомнения в том, что ему очень быстро удастся расширить отверстие так, чтобы через него можно было пролезть. При первых же ударах молотка ждавшая снаружи лошадь принялась тихонько ржать, не то одобряя действия своего хозяина, не то бессовестно издеваясь над ним.

Снаружи стемнело, а Берч все продолжал трудиться — хрупкая на первый взгляд кирпичная кладка оказалась неожиданно неподатливой. Луна вскоре скрылась за тучами, и в темноте работа пошла еще медленнее, так что единственным утешением для Берча мог служить сам факт ее продвижения. Он теперь не сомневался, что к полуночи выберется из заточения, а то, что к мыслям его не примешивалось ни капли суеверного страха, было для этого человека вполне естественно. Не отвлекаясь на угнетающие размышления о времени, месте и тех, кто находился у него под ногами, гробовщик с философским спокойствием обтесывал каменную кладку, чертыхаясь всякий раз, когда в лицо ему попадал отлетевший осколок, и злорадно посмеиваясь, если осколком задевало лошадь, которая все нетерпеливее била своим копытом по ту сторону стены. Понемногу отверстие расширялось, и гробовщик уже начал к нему так и эдак примериваться; при этом гробы под ним отчаянно скрипели и ходили ходуном. Между тем он пришел к выводу, что ему не придется класть на верхушку штабеля еще один гроб, поскольку дыра находилась как раз на уровне его плеч. Должно быть, уже перевалило за полночь, когда Берч решил, что теперь-то уж ему удастся пролезть в образовавшееся отверстие. Пыхтя и истекая потом, он с многочисленными передышками спустился на пол и присел на нижний гроб, чтобы собраться с силами перед последней попыткой. Изголодавшаяся

лошадь ржала теперь уже беспрерывно; в ржании этом было что-то недоброе, и Берч от души пожелал ей скорее сдохнуть. Удивительно, но его почти не радовала близость избавления; к тому же он не был полностью уверен в успехе, ибо при своей весьма тучной комплекции был мало пригоден к подобного рода физическим упражнениям. Карабкаясь вверх по гробам, которые при каждом движении издавали душераздирающий скрип, Берч, как никогда, ощущал собственную тяжесть; ощущение это стало особенно сильным на самом верху — и уже в следующий момент он услышал характерный звук ломающегося дерева. Судя по всему, Берч зря старался, когда выбирал в качестве опоры самый прочный гроб, ибо, как только он встал на обе ноги, полупрогнившая крышка лопнула и гробовщик провалился в ящик на добрых два фута. Напуганная этим шумом, а возможно, и проникшим наружу запахом, лошадь издала звук настолько дикий, что его вряд ли кто бы решился назвать ржанием, и, как безумная, бросилась в темноту, волоча за собой бешено грохочущую телегу.

Не говоря уже о тех малоприятных ощущениях, которые испытывал Берч, стоя по колено в гробу, он теперь уже не мог так просто, как раньше, добраться до отверстия. Ухватившись за края последнего, он попытался подтянуться, но в этот самый миг почувствовал совершенно необъяснимую помеху — казалось, кто-то тянет его вниз за лодыжки. Впервые за эту ночь Берч испытал чувство страха; он напрягал все свои силы, но никак не мог освободиться от чьей-то цепкой безжалостной хватки. Внезапно чудовищная боль пронзила его икры, но и тут неистребимый материализм гробовщика услужливо подсказал ему спасительную мысль о щепках, оставших гвоздях и прочих атрибутах расползающегося по швам деревянного ящика. Возможно, бедняга сильно кричал. Во всяком случае, он брыкался, извивался и корчился, делая это почти автоматически, в полубморочном состоянии.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Берч протиснулся наконец в щель и, глухо шлепнувшись на сырую землю, пополз прочь от склепа. Он, видимо, совсем не мог идти, и проглянувшая сквозь тучи луна озарила плачевное зрелище — человека с истекающими кровью лодыжками, который ползком передвигался в сторону кладбищенской сторожки, судорожно загребая руками могильную землю. Он с трудом преодолевал сопротивление собственного тела, подчинявшегося ему с той самой сводящей с ума медлительностью, которая знакома всякому, кого преследовали кошмарные видения. На самом деле, конечно, его никто не преследовал, ибо, когда Армингтон, владелец сторожки, услышал, как кто-то скребется у входа, и отворил дверь, глазам его предстал один Берч, окровавленный, но живой.

Хозяин помог Берчу добраться до постели и тотчас же послал своего малолетнего сынишку за доктором Дэвисом. Несчастный находился в полном сознании, но не мог выговорить ничего вразумительного, если не считать нескольких восклицаний вроде: «О, мои ноги!», «Пусти!» и «Склеп закрылся сам». Потом пришел доктор со своим медицинским саквояжем и первым делом снял с пациента верхнюю одежду и обувь. Раны, представшие его взору — а обе лодыжки Берча в области ахилловых сухожилий были в прямом смысле слова растерзаны, — привели его в сильнейшее замешательство, если не в ужас. Несколько заданных им вопросов были бы скорее уместны в процессе расследования, нежели медицинского осмотра; во время перевязки руки его заметно

тряслись, и создавалось впечатление, что он стремится как можно скорее скрыть эти раны от своего взора.

Разумеется, Дэвис, как беспристрастный врач, не должен был учинять Берчу допрос в столь резкой и требовательной форме; но он, казалось, спешил выжать из ослабшего гробовщика каждую мелкую подробность пережитого им ужаса. С особенно непонятной настойчивостью он выпытывал у Берча, уверен ли он — и если да, то насколько уверен, — в том, чей гроб был на самом верху. В этой связи доктора почему-то интересовало абсолютно все: и то, как Берч выбирал гроб, и как он смог в темноте определить, что это гроб именно Мэтью Феннера, и как он отличил его от скверно сколоченного двойника, в котором покоился Азеф Сойер. И как могло получиться, что прочно сработанный гроб Феннера развалился с такой легкостью? Дэвис, испокон веку практиковавший в этих краях, в свое время видел и тот, и другой гробы на соответствующих похоронах; именно он был лечащим врачом Феннера и Сойера вплоть до самой их смерти. И когда Сойера провожали в последний путь, Дэвис не переставал удивляться тому, каким образом этот пусть малоприятный, но отнюдь не малорослый тип умудрился целиком вместиться в такой небольшой ящик.

Доктор распрощался с больным только через два часа, наказав ему перед уходом, чтобы на все вопросы о происхождении своих ран он отвечал, что, мол, поранился о гвозди и щепу. Никакому другому объяснению, добавил он, все равно никто не поверит, поэтому лучше всего как можно меньше обо всем этом болтать и уж во всяком случае не давать осматривать раны другим врачам. Берч следовал этому совету всю оставшуюся жизнь — до тех пор, пока не поведал свою историю мне, и, когда я увидел его шрамы — а к тому времени они уже давным-давно заросли и побелели, — я не мог не согласиться с тем, что, храня молчание, он поступал мудро. У Берча оказались порваны большие сухожилия, и он навсегда остался калекой, однако самые значительные увечья, как я склонен думать, получила его душа. Нервы его со временем расстроились совершенно, и мне всегда было жалко смотреть на то, как он реагирует на ненароком сказанные слова «пятница», «склеп», «гроб» и некоторые другие, с менее очевидными ассоциациями. Его испуганная лошадь в тот же вечер вернулась на свое место, чего никак нельзя сказать о его рассудке. Он сменил род занятий, но и тогда его продолжало что-то терзать. Возможно, это был просто страх, а может, еще и какое-то запоздалое раскаяние за былую бессердечность. Пьянство, без сомнения, лишь усугубляло его страдания, вместо того чтобы их облегчить.

В ту же ночь, оставив Берча в сторожке, доктор вооружился фонарем и направился в старый склеп. Луна освещала изувеченный фасад и валявшиеся на земле осколки кирпича, замок на тяжелой двери открылся легко и сразу. Закаленный многолетней работой в анатомичках, Дэвис решительно вошел внутрь и огляделся, едва подавляя подступившую к горлу тошноту. Один раз он вскрикнул, а чуть погодя хрипло вздохнул, что прозвучало страшнее любого крика. Потом он пулей помчался в сторожку и в нарушение всех правил растормошил, растолкал, разбудил пациента и срывающимся шепотом обрушил на него поток фраз, повергших несчастного в состояние шока.

— Все-таки я оказался прав, Берч, — это был гроб Азефа! Я сразу узнал следы его зубов на ваших ногах, у него не хватало передних в верхнем ряду — о, ради Христа, никогда

никому не показывайте своих ран! Тело почти не сохранилось, но это выражение лица — точнее того, что некогда было лицом!.. Вы же знаете, каким он становился зверем, когда дело доходило до мести, — помните, как он разорил старика Раймонда спустя тридцать лет после их тяжбы по поводу земли?... А как он раздавил щенка, огрызнувшегося на него год назад, в августе? Это был сущий дьявол, Берч, и я думаю, что такая чудовищная мстительность вполне могла победить время и смерть. Боже, какая адская злоба! Да, не хотел бы я стать ее мишенью... Но вы-то — зачем вы это сделали, Берч?! Он был негодяй, и я не виню вас за то, что вы подсунули ему негодный гроб, но — черт возьми! — на этот раз вы зашли слишком далеко! Иногда, конечно, можно и поскупиться, но вы же знали, каким коротышкой был старый Феннер. Мне до конца своих дней не забыть того, что я там увидел! Вы, должно быть, сильно брыкались, Берч, потому что гроб Азефа лежал на полу. У него была раздавлена голова, и все вокруг находилось в страшном беспорядке. Я много чего повидал на своем веку, но там была одна вещь, которая выходит уже за все рамки. Око за око! Видит Бог, Берч, в конце концов вы получили по заслугам! Когда я увидел череп, меня едва не стошнило, но другое — другое было еще ужаснее! Я имею в виду ноги — они были отрезаны точно по самые лодыжки, так, чтобы тело Азефа можно было втиснуть в гроб, предназначавшийся для Мэтью Феннера!

Перевод: Олег Мичковский

1993 год